

— Я знаю, это просто по привычке. Впредь всю исписанную бумагу буду сжигать как следует.

Он признал вину с самым покорным видом и тут же бросил в жаровню несколько исписанных листов. Раскалённые угли мгновенно подхватили бумагу, края её обуглились и закружились, а оставшийся пепел точечками осыпался в белоснежную золу, быстро слившись с ней.

Цуй Юань поорудовал щипцами для углей, выгребая из-под белой золы несколько крупных глянцево-коричневых каштанов, и заметил:

— Когда жаровня больше не понадобится, оставь её снаружи, пусть ещё погорит: чем дольше пекутся каштаны, тем они сладкие и ароматные.

Юноша, разумеется, охотно согласился.

У Цуй Юаня снаружи оставалось ещё полно дел, поэтому он отставил жаровню и щипцы в сторону, чтобы не мешали, и ушёл. Цуй Се поправил угольки, снова закопал каштаны глубоко в золу, разровнял слой пепла с одной стороны и ради забавы прошёлся щипцами, нарисовав на золе каштан прямо в колючей коже.

Это были лишь мимолётные штрихи ради развлечения. Сделав пару набросков, он отложил медные щипцы и вернулся к столу: продолжал рисовать на бумаге древовидные схемы, чтобы заучивать «Четверокнижие». Поставленная задача утомляла — тогда он переключался на «Пиньшуйские рифмы», а исписанные листы сминал в комки и бросал на раскалённые угли, где они превращались в пепел.

Огонь в жаровне неторопливо поддерживал тепло, и зарытые в пепел каштаны быстро испеклись. Кожура их была надрезана заранее, так что подрумянившаяся до золотистого цвета мякоть аппетитно выглядывала наружу. Стоило сдуть пепел и откусить кусочек — во рту разливалась настоящая рассыпчатая сладость.

Вскоре в комнату вошёл Пэн Янь, чтобы налить чаю, и Цуй Се предложил ему самому выгрести каштаны из жаровни.

Пэн Янь не только сам лакомился, но и очистил целую горсть кругленьких целых каштанов и выложил их перед хозяином на стол. Цуй Се уже съел достаточно, так что спешить не стал: оставил каштаны остывать на краю стола, а в перерывах между переписыванием делал быстрые наброски прямо на полях бумаги. Всего лишь несколькими штрихами он передавал форму и текстуру каштанового ядра: оставлял светлую сторону белой, а тень чуть оттенял тушью, отчего рисунок получался невероятно живым.

Когда Пэн Янь снова подошёл с порцией очищенных каштанов и увидел набросок на краю бумаги, он не удержался, провёл пальцем по листу и изумлённо воскликнул:

— Как у вас получается так красиво рисовать? Раньше, когда вы учились у Лу Чжуншэна рисовать лотосы, Лу Чжуншэн всё время ворчал, что в ваших рисунках много ремесленничества и они совсем не похожи на настоящие цветы!

А всё потому, что раньше рисовал прежний юный Цуй Се, а не взрослая душа, попавшая в это тело из другого мира.

Почувствовав лёгкий укол неловкости, Цуй Се смущённо опустил голову и, хлопая ресницами, объяснил:

— Тогда ведь приходилось строго следовать технике Лу Чжуншэна. К тому же нужно было работать с красками: я вечно боялся ошибиться при смешивании или в движении кисти, оттого и получалось скованно. А это — просто свободный набросок с натуры, без всяких правил, вот и вышло лучше.

Пэн Янь поглядел на рисунок, вздохнул и сказал:

— Это ведь самый настоящий талант! Эх, если бы дома вы учились не у Лу Чжуншэна, а нашли такого знаменитого мастера, как господин Шэнь Чжоу, вы, может, давно бы стали известным художником! И господин узнал бы о ваших способностях и относился бы к вам куда лучше.

Главное, чтобы Пэн Янь ничего не заподозрил.

Цуй Се прожил в этом мире уже достаточно долго и успел хорошо разобраться в окружении прежнего хозяина тела. Пэн Янь был его личным слугой и знал его лучше всех, а Цуй Юань раньше служил во внешнем дворе и был не столь сведущ в его привычках.

Глядя в преданные и полные восхищения глаза мальчишки, Цуй Се тихо вздохнул, с улыбкой всучил ему все каштановые ядра и сказал:

— Я и сам чувствую, что у меня есть талант: когда рисую сам, выходит куда лучше, чем по указке учителя. Как-нибудь нарисую и твой портрет — глядишь, получится очень похожим.

Пэн Янь сияя от радости согласился и, сжимая в ладонях каштаны, выбежал из комнаты, чтобы принести хозяину сладостей.

Во второй половине дня староста улицы, где располагалась книжная лавка, принёс скреплённый красной печатью договор. Цуй Се убрал документ в шкатулку — с этого дня он официально стал хозяином заведения.

Отпив чаю, староста без умолку нахваливал его:

— Стоило мне в уезде сказать, что это молодой господин из семьи Цуй заключил договор, как стражники у ворот даже не взяли с меня мелкой монеты, а писцы из налоговой управы беспрекословно поставили печать! Во всём уезде говаривают, что вас сам император признал добродетельным мужем, так что вы уж точно не нарушите договора и не преступите закон. Этим наёмным рабочим повезло — попали к добросердечному хозяину, творящему благо!

Услышав это, Цуй Се задумался и спросил:

— А если я захочу дать свободу своим слугам, как правильно это оформить?

Староста ответил:

— Это дело нехитрое. Вам, как хозяину, достаточно выдать свидетельство об освобождении и зарегистрировать его в налоговой управе уезда, чтобы их вписали в реестр как свободных людей. Вот только после освобождения им придётся отбывать трудовую повинность: уже в десятой луне начнутся работы на реке, а мастеровым ещё и ехать в столицу по очереди... Хотя подождите, ваши мастеровые и так простолюдины. Неужто молодой господин собирается дать свободу своим личным слугам?

Цуй Се и впрямь думал освободить Цуй Юаня с сыном, но, вспомнив, что трудовая повинность в эпоху Мин распространялась на всех мужчин от шестнадцати до шестидесяти лет, не стал

развивать тему. Он качнул головой и ответил:

— Я просто спросил.

Староста не стал расспрашивать дальше: выпил две чашки крепкого чая с фундуком, каштанами и кунжутом, с удовольствием съел несколько слоёных пирожков с мясной начинкой и ушёл.

Время было не раннее. Цуй Се рассудил, что в школе господина Линя занятия уже должны закончиться, и велел матушке Чжан собрать в подарок пару отличных кистей, тушь, бумагу и тушечницу из подарков тунчжоуских чиновников и почтенных мужей, коробку обжаренного листового чая, а также малое бамбуковое лукошко дикого киви, пожалованного начальником уезда. С этим набором он отправился к господину Линю.

Увидев его у ворот, Цуй Юань удивился:

— К чему устраивать обряд ученичества в такой ничем не примечательный день? Почему бы не дожждаться Праздника середины осени, когда в школе будут каникулы, не купить как следует шесть традиционных даров и не преподнести их вместе с платой за обучение?

Цуй Се улыбнулся:

— Для обряда ученичества я, разумеется, выберу благоприятный день. Сегодня же я иду обратиться к господину Линю с просьбой. Наша книжная лавка ведь собирается печатать новые книги? Господин Линь общается со множеством шэньюаней, да и по части познаний он — лучший из всех, к кому мы можем обратиться. Я хочу попросить его помочь издать книгу.

Управляющий Цзи предлагал лишь способы, связанные с перепечаткой чужого: покупать чужие печатные доски выходило по три-четыре лян серебра за штуку, да ещё расходы на перевозку. А если брать уже продающиеся на рынке книги и резать новые доски, то за время работы резчиков все желающие уже купят или переписут оригинал. Нанять же человека для написания новой книги обойдётся не дороже, чем везти печатные доски за тысячи ли из Цзяньяна. Зачем же заниматься пиратством и привлекать к себе неприятности?

Цуй Юань подумал про себя, что господина Линя вряд ли можно назвать «лучшим из всех по части познаний», но если добавить оговорку «из тех, к кому мы можем обратиться», то он становился не просто лучшим, а буквально единственным.

Цуй Се переоделся в новую чистую одежду, привёл себя в порядок и вместе с Пэн Янем отправился к дому, который снимал господин Линь. Занятия уже давно закончились, и в школе оставалось лишь несколько непослушных учеников, оставленных переписывать книги в наказание. Господин Линь сидел в зале с книгой, а когда увидел входящего с подарками Цуй Се, поспешно поднялся навстречу и спросил:

— Ты уже обустроился и готов приступить к учёбе?

Передав подарки, Цуй Се отвесил глубокий поклон:

— Дома вовсю идёт ремонт, царит такая суматоха, что никак не сосредоточиться на занятиях. Думаю, к учёбе я смогу приступить только после Праздника середины осени. А сегодня я пришёл с другой просьбой. В доме не нашлось ничего особо ценного, поэтому я принёс немного письменных принадлежностей, подаренных тунчжоускими чиновниками и почтенными мужами, да свежих плодов от начальника уезда. Надеюсь, господин не

побрезгует.

Эти письменные принадлежности были действительно отменного качества, а киви, пусть и мелковаты, несли на себе отпечаток внимания самого начальника уезда, что придавало им особую ценность.

Господин Линь окинул дары взглядом, остался весьма доволен, погладил бороду и с улыбкой сказал:

— Что за разговоры о просьбах? Я и так считаю тебя своим учеником, да и живём мы по соседству — к чему лишние церемонии?

Цуй Се слегка склонил голову и с глубоким почтением произнёс:

— Ученик всегда восхищался познаниями господина, потому и пришёл со своей бедой именно к вам. Видите ли, семья недавно доверила мне управление книжной лавкой «Чжижун» в западной части города. Но с тех пор как в прошлом году уезд пострадал от наводнения, лавка толком не работала, и теперь непонятно, что именно стоит печатать. Вчера управляющий обратился ко мне, но я сознаю неглубокость своих познаний и могу лишь просить господина о помощи: не могли бы вы написать сам или найти человека, который напишет длинный роман, либо соберёт и отредактирует сборник коротких рассказов?..

Он снова глубоко поклонился и взмолился:

— Это моё первое самостоятельное дело, и я от всей души прошу господина помочь, чтобы не разочаровать свою семью.

Господин Линь принял озабоченный вид, поднял его и, нахмурившись, спросил:

— Тебе ведь от роду совсем немного лет, как же ты отважился взяться за такое серьёзное дело, как составление книг?

Цуй Се вздохнул:

— Эта книжная лавка — часть приданого моей покойной матери. Раз уж судьба привела меня в этот уезд, мог ли я оставить её наследие на произвол судьбы и позволить заведению прийти в упадок? Что же до составления книг, я ни в коем случае не смею проявлять легкомыслие и лишь надеюсь, что господин сжалится над моим сыновним чувством и возьмёт это дело под своё руководство.

<http://bllate.org/book/18372/1761262>